

Рец. на кн.: **РОБЕРТ КИНДЛЕР. СТАЛИНСКИЕ КОЧЕВНИКИ: ВЛАСТЬ И ГОЛОД В КАЗАХСТАНЕ** / Пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2017. 382 с. (История сталинизма);
Ф.Л. СИНИЦЫН. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КОЧЕВНИКИ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, НАСЕЛЕНИЕ, 1917–1991. М.: Центрполиграф, 2019. 317 с. (Новейшие исследования по истории России. Вып. 19);
САРА КАМЕРОН. ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ: ГОЛОД, НАСИЛИЕ И СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: НЛЮ, 2020. 360 с. (Historia Rossica)

Сергей Николаевич Абашин

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
sabashin@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : В рецензии рассматриваются три новые монографии, посвященные седентаризации и коллективизации кочевых казахов на рубеже 1920–1930-х гг. Американский историк Сара Камерон, немецкий историк Роберт Киндлер и российский историк Федор Сеницын описывают основные особенности кочевого образа жизни в степных районах Центральной Азии, исследуют предпосылки советской политики, направленной на его ликвидацию, и подробно характеризуют ее последствия, включая вооруженное сопротивление, массовые голод и бегство. Все три автора приходят к заключению, что эта политика проводилась в крайне радикальной форме с активным насилием и сопровождалась огромными экономическими потерями и человеческими жертвами, отрицая, впрочем, их определение как этнического геноцида. В рецензии обсуждается структура монографий, их основные тезисы и выводы. Задачей рецензии является также сравнительный анализ разных версий описания и объяснения случившейся в Казахстане трагедии, в частности обращается внимание на то, кого авторы видят главными виновниками этих событий, каким образом определяют роль идеологии и прагматических целей в политике седентаризации и коллективизации, как соотносят эту политику с советским национальным строительством.

К л ю ч е в ы е с л о в а : кочевничество, казахи, голод, эмиграция, коллективизация, седентаризация, национальное строительство.

Д л я с с ы л о к : Абашин С. Рец. на кн.: Роберт Киндлер. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане / Пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2017. 382 с. (История сталинизма); Ф.Л. Сеницын. Советское государство и кочевники: история, политика, население, 1917–1991. М.: Центрполиграф, 2019. 317 с. (Новейшие исследования по истории России. Вып. 19); Сара Камерон. Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: НЛЮ, 2020. 360 с. (Historia Rossica) // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 248–258.

doi : 10.31250/1815-8870-2021-17-50-248-258

U R L : <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/abashin.pdf>

A Review of ROBERT KINDLER, *STALINSKIE KOCHEVNIKI: VLAST I GOLOD V KAZAKHSTANE* [STALIN'S NOMADS: POWER AND FAMINE IN KAZAKHSTAN]. Moscow: ROSSPEN, 2017, 382 pp. Transl. from ROBERT KINDLER, *STALINS NOMADEN: HERRSCHAFT UND HUNGER IN KASACHSTAN*. Hamburg: Hamburger Edition, 2014, 381 SS. (Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts); F. L. SINITSYN, *SOVETSKOE GOSUDARSTVO I KOCHEVNIKI: ISTORIYA, POLITIKA, NASELENIE, 1917–1991* [SOVIET STATE AND NOMADS: HISTORY, POLITICS, POPULATION, 1917–1991]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019, 317 pp. (Noveyshie issledovaniya po istorii Rossii [The Latest Research on Russian History], no. 19); SARAH CAMERON, *GOLODNAYA STEP: GOLOD, NASILIE I SOZDANIE SOVETSKOGO KAZAKHSTANA*. Moscow: NLO, 2020, 360 pp. Transl. from SARAH CAMERON, *THE HUNGRY STEPPE: FAMINE, VIOLENCE, AND THE MAKING OF SOVIET KAZAKHSTAN*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2018, 294 pp.

Sergey Abashin

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
sabashin@eu.spb.ru

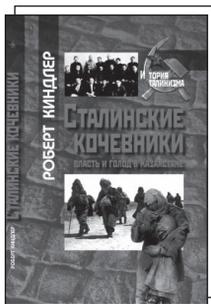
Abstract: The review examines three new monographs that focus on the sedentarization and collectivization of nomad Kazakhs at the turn of the 1930s. The American historian Sarah Cameron, the German historian Robert Kindler, and the Russian historian Fyodor Sinitsyn describe the main specifics of nomadism in the steppes of Central Asia, study the premises of the Soviet policy aimed at its liquidation, and elaborate on the consequences of that policy, including armed resistance, mass hunger, and mass flight. All three authors conclude that this policy was implemented most radically, involved active violence, and was attended by huge economic and human losses. However, the scholars refuse to classify those losses as ethnic genocide. The review discusses the structure, key arguments, and conclusions of the monographs. It also provides a comparative analysis of varying descriptions and explanations of the tragedy in Kazakhstan, particularly focusing on who was primarily responsible for the events, the role of the ideology and pragmatic objectives in the policy of sedentarization and collectivization, and the link between that policy and Soviet nation-building.

Keywords: nomadism, Kazakhs, famine, emigration, collectivization, sedentarization, nation-building.

To cite: Abashin S., 'A Review of Robert Kindler, *Stalinskie kochevnik: vlast i golod v Kazakhstane* [Stalin's Nomads: Power and Famine in Kazakhstan]. Moscow: ROSSPEN, 2017, 382 pp. Transl. from Robert Kindler, *Stalins Nomaden: Herrschaft und Hunger in Kasachstan*. Hamburg: Hamburger Edition, 2014, 381 SS. (Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts); F. L. Sinitsyn, *Sovetskoe gosudarstvo i kochevnik: istoriya, politika, naselenie, 1917–1991* [Soviet State and Nomads: History, Politics, Population, 1917–1991]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019, 317 pp. (Noveyshie issledovaniya po istorii Rossii [The Latest Research on Russian History], no. 19); Sarah Cameron, *Golodnaya step: golod, nasilie i sozdanie Sovetskogo Kazakhstana*. Moscow: NLO, 2020, 360 pp. Transl. from Sarah Cameron, *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2018, 294 pp.'. *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 50, pp. 248–258.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-248-258

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/abashin.pdf>

Рец. на кн.:

Роберт Киндлер. *Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане* / Пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2017. 382 с. (История сталинизма);

Ф.Л. Синецын. *Советское государство и кочевники: история, политика, население, 1917–1991*. М.:

Центрполиграф, 2019. 317 с. (Новейшие исследования по истории России. Вып. 19);

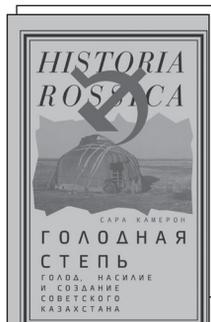
Сара Камерон. *Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана* / Пер. с англ.

А. Терещенко. М.: НЛО, 2020. 360 с. (Historia Rossica).

В рецензии рассматриваются три новые монографии, посвященные седентаризации и коллективизации кочевых казахов на рубеже 1920–1930-х гг. Американский историк Сара Камерон, немецкий историк Роберт Киндлер и российский историк Федор Синецын описывают основные особенности кочевого образа жизни в степных районах Центральной Азии, исследуют предпосылки советской политики, направленной на его ликвидацию, и подробно характеризуют ее последствия, включая вооруженное сопротивление, массовые голод и бегство. Все три автора приходят к заключению, что эта политика проводилась в крайне радикальной форме с активным насилием и сопровождалась огромными экономическими потерями и человеческими жертвами, отрицая, впрочем, их определение как этнического геноцида. В рецензии обсуждается структура монографий, их основные тезисы и выводы. Задачей рецензии является также сравнительный анализ разных версий описания и объяснения случившейся в Казахстане трагедии, в частности обращается внимание на то, кого авторы видят главными виновниками этих событий, каким образом определяют роль идеологии и прагматических целей в политике седентаризации и коллективизации, как соотносят эту политику с советским национальным строительством.

Ключевые слова: кочевничество, казахи, голод, эмиграция, коллективизация, седентаризация, национальное строительство.

История XX века — это история массовых войн, этнических чисток, депортаций, репрессий, геноцидов, голода и экологических бедствий. На протяжении столетия миллионы людей вынужденно, под угрозой смерти и насилия, снимались с прежнего места своего проживания и перемещались иногда на тысячи километров, через административные и государственные границы. Часть из них уничтожалась тут же на месте, часть погибала в этих условиях от болезней и смены образа жизни, часть попадала в концентрационные лагеря и на специальные поселения, где тоже уничтожалась или нещадно эксплуатировалась. Какие-то из этих трагических событий остались в современной памяти, которая приобрела форму памятников, музеев и ритуалов. А какие-то оказались вычеркнутыми из памяти как политически

Сергей Николаевич Абашин
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
sabashin@eu.spb.ru

сомнительные / опасные, стыдные или слишком травматические и неприятные даже для жертв, чтобы о них вспоминать. К числу таких полузабытых событий относится *Ашаршылық* — массовый голод в Казахстане в начале 1930-х гг., который привел к сокращению численности казахов в СССР не менее чем на 40 % в результате как гибели людей, так и бегства за пределы страны. По своим последствиям в относительной пропорции это был самый трагический, если говорить о пострадавших народах, результат сталинских реформ на рубеже 1920–1930-х гг. даже по сравнению с Украиной и Центральной Россией, а может быть, одно из самых трагических событий в прошедшем столетии в мире в целом.

Несмотря на ужасные цифры, за пределами Казахстана мало кто об этих потерях знает и тем более реагирует какими-то мемориальными жестами. Этот поразительный контраст между масштабом трагедии и тем, как о ней помнят, является тем эмоциональным основанием, которое делает нынешний интерес к теме значимым. Но, кроме неизбежно присутствующего эмоционального и политического смысла, такой интерес имеет также теоретические задачи как в области исторических исследований — осмысление советского опыта и опыта становления модерна, так и в области других гуманитарных знаний, включая антропологию, — осмысление человеческого и социального опыта переживания катастроф.

За последние четыре года российская публика получила возможность познакомиться на русском языке с тремя монографиями об Ашаршылық: книгой российского историка Федора Сеницына, а также двумя переводами — с немецкого языка Роберта Киндлера и с английского Сары Камерон [Kindler 2014; 2018; Cameron 2018]. Следует еще упомянуть более ранний перевод большой статьи Никколо Пианчола, которая не попала в настоящий обзор, хотя является важным вкладом в изучение темы [Пьянчола 2004]. Эти публикации представляют три разные исследовательские традиции: немецкую, российскую и американскую, что делает любопытным сравнение разных традиций изучения истории голода в Казахстане в различных личных, национальных и методологических перспективах. Разумеется, такой анализ мог бы включить целый ряд других исследований на казахском, русском, французском, итальянском и английском языках [Козыбаев и др. 1992; Омарбеков 1997; Ohayon 2006; Pianciola 2009; Payne 2011; Аяған 2012], но я ограничусь названной тройкой, чтобы соблюсти жанр рецензии.

На первый взгляд, все три автора, говоря о событиях рубежа 1920–1930-х гг. в Казахстане (тогда писали «Казакстан»), повторяют примерно один и тот же набор фактов, дают примерно

одинаковую периодизацию, обращают внимание на одни и те же фигуры, события и документы, называют схожие цифры и в конце концов одинаковым образом интерпретируют произошедшее. Читатель, который не может или не намерен углубляться в разного рода нюансы и не знает разные контексты дискуссии об Ашаршылык, скорее всего, не заметит каких-то совсем уж существенных, принципиальных различий в этих текстах. Авторы не жалеют схожих справедливых эпитетов: катастрофа, трагедия, преступления, тем не менее у каждого есть свои линии аргументации и акценты, которые делают их взгляды различающимися.

Сара Камерон в своей книге в первой главе «Степь и урожай» описывает кочевое скотоводство как образ жизни, который был с древних времен наиболее адаптированной к степным и пустынным экологическим условиям хозяйственной и социальной системой, и приводит сведения об изменениях, которые принесла сначала Российская империя и потом Советское государство в жизнь кочевников, — говоря о крестьянском переселении, постепенном снижении мобильности и частичном оседании кочевников, об увеличении зерна в рационе их питания и, кратко, о голоде 1917–1918 и начала 1920-х гг., которые показали неустойчивость меняющейся ситуации. Во второй главе «Можно ли доехать до социализма на верблюде?», следуя хронологическому порядку, автор рассказывает о постепенном укреплении советского режима знания и власти в теперь уже советской автономной республике, которая тогда не была союзной и входила в состав Российской Федерации. В частности, она обращает внимание на то, что среди ученых и политиков в 1920-е гг. не существовало единодушия в отношении будущего кочевничества: одни считали, что кочевой образ жизни является наиболее оптимальным для региона и надо помогать ему стать более продуктивным и вписаться в общую экономику, другие были убеждены, что это отсталая форма хозяйства и социальной организации, которая требует ликвидации.

В следующих главах разворачивается последовательность основных событий 1928–1933 гг. В третьей главе «“Малый Октябрь” Казахстана» речь идет о радикализации советской политики, чистке сомневающихся в ней и начале кампании против сельской верхушки (баев), которая открыла дорогу арестам, конфликтам, бегству и хозяйственному хаосу. Четвертая глава «Кочевники в осаде» показывает, каким образом дальнейшие планы оседания и коллективизации кочевников, увеличения заготовок мяса, прежде всего для нужд Москвы и Ленинграда, привели к экономическому коллапсу, забою скота, массовому бегству (откочевкам) и началу голода. Здесь же Камерон приводит примеры восстаний, показывая, что реакция казахов

на давление государства могла принимать в том числе активные формы сопротивления. В пятой главе «Насилие, бегство и голод» историк объясняет, как политика национального строительства, создание административных и государственных границ со строгим пограничным контролем, логика деления на «своих» и «чужих» с насилием в отношении последних усугубили кризис и не позволили кочевникам использовать в полной мере прежние способы решения проблемы голода с помощью мобильности. Шестая глава «Казахстан и политика голода, 1931–1934 годы» прослеживает нарастание коллапса до стадии полного социального распада и постепенный выход из этого состояния после принятия государством мер по нормализации ситуации, смягчению требований к населению и смене республиканского руководства, восстановлению хозяйства и возвращению беженцев. В заключение Камерон пишет о том, что кочевой образ жизни был «полностью уничтожен», оставшееся отгонное животноводство лишь отдаленно его напоминало и было «профанацией», но именно это и привело к установлению более тесной зависимости от государства, привязало бывших кочевников к территории и позволило им влиться в его институты и в итоге превратило казахов в политическую нацию.

Роберт Киндлер в своей монографии придерживается того же хронологического изложения фактов и почти той же структуры глав, что и у Камерон, но наполняет их большим числом иллюстраций-примеров из повседневной жизни людей и делает свое повествование более историко-антропологическим. В главе «Контексты — кочевники и российская колониальная держава» автор характеризует, не углубляясь, правда, далеко в древность, устройство кочевого общества и образа жизни, а также описывает переселение в Казахскую степь крестьян и оседание кочевников, происходившие еще в Российской империи. Далее Киндлер рассказывает о гражданской войне и установлении советской власти в регионе, о сопровождавших эти процессы кризисах. Глава «Условия — советская власть в степи» посвящена «разным формам интервенционного господства» Советского государства, «советизации аула» (С. 41, 50), которая происходила в том числе за счет симбиоза новой власти с локальными социальными институтами казахов, колебаниям политики в отношении колонистов и спорам экспертов и чиновников о будущем кочевничества.

В главе «Атаки — коллективизация и перевод на оседлость» исследователь пишет о начавшейся в 1928 г. кампании раскулачивания — «дебаизации» общества при неясных критериях самого понятия «бай», о дезориентации, беспомощности и путанице в управленческих решениях, о повышении планов заготовки зерна и мяса, которые привели к сокращению поголовья

скота, об утопии прикрепления к земле, которое часто происходило на бумаге. Результатом, согласно главе «Бунт — гражданская война и массовый исход», стали «фрагментированная гражданская война» (С. 178), повсеместные восстания, демонстративная жестокость и «беспредел». Одной из реакций были массовые откочевки — бегство в другие регионы СССР и в Китай, которые определялись властью как враждебные действия со всеми вытекающими репрессивными мерами. Если Камерон в отдельную главу выделила тему беженцев и границ, то для Киндлера в главе «Голод — катастрофа и новый порядок» оказалось важным рассмотреть последствия собственно голода. Автор подробно, почти антропологически расписывает симптомы распада казахского общества: разрыв связей и доверия, «одичание», дезинтеграция на мелкие группы, воровство, канибализм, отказ от социальной поддержки слабых, изменение социальных норм, внешнего вида и питания, а также рост жестокости и насилия, самосудов, конфликтов, гонений. «Голодающие, — по его словам, — превратились в подонков общества» (С. 245).

В главе «Варианты — кочевой образ жизни по-советски» Киндлер переходит к нормализации ситуации, упоминает замену ответственного секретаря Казахского крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекина на Л.И. Мирзояна и принятое в Кремле постановление ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 г. «О сельском хозяйстве и в частности животноводстве Казахстана», которое обозначило программу мер помощи республике. По мнению автора, в итоге Советское государство само отказалось от политики быстрого оседания кочевников и даже признало возможность длительного существования кочевого образа жизни в виде регулируемого пастбищного животноводства, а также возможность интеграции символов кочевничества в национальную культуру казахов. Киндлер доводит рассказ до конца 1930-х гг., расстрела Мирзояна и Голощекина, возрождения кочевничества во время войны и в послевоенное время и делает отличный от Камерон вывод, что Советское государство «приноровилось, по крайней мере частично, к образу жизни кочующих скотоводов» (С. 329).

У книг Камерон и Киндлера много общего не только в принципах построения текста, но и в подходах и выводах, при том что они расставляют несколько разные акценты. Оба исследователя стремятся не просто подчеркнуть жертвенность, но и показать субъектность казахов, услышать их голос, продемонстрировать повседневные практики и реакции на сложившуюся ситуацию. Киндлер достигает этого эффекта с помощью умножения примеров из архивных документов. Камерон же, ограниченная, возможно, объемом монографии, активнее привлекает казахско-

язычные источники (и, кстати говоря, использует казахскую, а не русифицированную форму написания). При этом и Киндлер, и Камерон замечают, что конфликт развивался не в логике оппозиции «Россия — казахи». Оба автора отказываются использовать колониальную рамку в описании и объяснении событий 1920–1930-х гг., отмечая, в частности, что многие конфликты происходили и внутри казахского общества (поэтому Киндлер использует выражение «гражданская война») и что от имени советской власти действовали сами же выходцы из кочевой среды. Но если Камерон больше говорит о позиции Сталина и Москвы, радикальная политика которых привела к трагедии, иногда вопреки тревожным сигналам из республики, то Киндлер, не отрицая роли внешних сил, указывает на негативную роль местных казахских чиновников, которые, хотя и занимали позиции рангом ниже, но активно способствовали своими действиями нарастанию хаоса и насилия. Наконец, Камерон чаще Киндлера вспоминает экологию степи и природные неурожаи, которые стали дополнительным фактором, отягчающим политические решения.

В обеих обсуждаемых монографиях советский проект коллективизации и седентаризации кочевников рассматривается как чрезмерно насильственный и неудавшийся вариант модернизации. В этой связи оба автора упоминают “Seeing Like a State” Джеймса Скотта [Скотт 2005], но в целом проблематика советского остается у них историографически и теоретически непроработанной. Остается вопрос, был ли Ашаршылык результатом прежде всего попыток высокого модерна захватить и подчинить себе общество или все-таки истоки радикализма надо искать в специфической коммунистической идеологии. Впрочем, и в вопросе успешности или неуспешности авторы ставят разные акценты. Хотя Киндлер и упоминает, что благодаря кризису советские структуры укреплялись и «голодный кризис стал настоящей колыбелью казахской советской нации» (С. 331), он тем не менее в логике немецкой школы Йорга Баберовски делает упор на прагматику большевиков: «Перевод казахов-кочевников на оседлое положение не являлся программой эмансипации “угнетенного” народа и не имел целью создание “нового человека”; в конечном счете он служил главным образом для утверждения власти большевиков и якобы более эффективной эксплуатации экономических ресурсов степи» (С. 14). Камерон же, следуя американской традиции изучения большевистской идеологии и идентичностей и ссылаясь на Терри Мартина, подчеркивает, что реформы в Казахстане были частью национального строительства, и указывает на существенное расхождение в этом вопросе ее позиции и позиции Киндлера (С. 24, примеч. 1).

Оба автора высказываются по вопросу, можно ли назвать Ашаршылық геноцидом, и оба отказываются от такого определения. Немецкий и американский историки в один голос говорят, что нет свидетельств того, что в Кремле планировалось уничтожение казахов. Хаотическая же и насильственная политика и характерная для той эпохи нечувствительность к страданиям и гибели людей не были специально этнически сфокусированы. Оба при этом замечают, что отказ от термина «геноцид» не должен приводить к умалению самой трагедии и ее масштабов, что, помимо геноцида, существуют другие виды массовых преступлений, определения которых стоит оперировать. Оба историка также упоминают в этой связи Украину как более известный в мире пример трагедии в сталинское правление, но делают это в основном для того, чтобы опять же поставить под вопрос этнически ориентированный характер советской политики и указать на общий для советского населения результат.

Казалось бы, упоминание ситуации в Украине должно было повернуть исследовательскую оптику к более развернутому сравнительному и «транснациональному» анализу, чтобы увидеть взаимосвязи и отличия развивавшихся почти одновременно случаев массового голода. Но такой анализ в двух переведенных монографиях отсутствует. Попытку сравнительной перспективы совершает в своей книге российский историк Федор Синицын. Для этого он выбирает термин «цивилизация» для характеристики кочевничества и в таком качестве предлагает рассматривать его отношения с Советским государством и даже шире — с современным государством, которое видело седентаризацию кочевников как прогрессивный и неизбежный процесс. Сравнение в данном случае подразумевает анализ политик в отношении любых социальных форм кочевого образа жизни, не только казахов, но и кыргызов, калмыков, туркмен, бурят, якутов и других народов, в том числе за пределами СССР.

Тем не менее казахская история находится в центре и этой монографии. В первой главе «“Кочевые” регионы СССР в 1920-х гг.» Синицын повторяет знакомый тезис о том, что в двадцатые годы «“кочевые” регионы СССР фактически не были интегрированы в политическое и правовое поле страны» и что здесь уже были случаи массового насилия, голода, сопротивления, а в целом же «кочевая цивилизация оставалась внутренне устойчивой» (С. 32). Российский историк упоминает дискуссию чиновников и экспертов по поводу планов в отношении кочевников, явно симпатизируя «взвешенному подходу» для постепенного улучшения условий жизни кочевников и считая ошибкой идею «ликвидации кочевой цивилизации» (С. 46).

Во второй главе «Решение судьбы кочевой цивилизации в 1930-х гг.» автор приводит свою версию истории форсированного оседания кочевников в СССР. Он объясняет ее внешними угрозами, расширением хлопковых площадей вместо зерновых и изъятием продовольствия для нужд индустриализации, добавляя к этому идеологию прогресса и влияния на природу. С его точки зрения, именно руководство Казахстана (и Голощекин лично) были «закоперщиками» радикальных и утопических мер, которые, столкнувшись с реальностью, привели к многочисленным «ошибкам» в управлении, и это, в свою очередь, закончилось «трагическими последствиями». Хозяйство было разрушено, все планы оседания провалились, и в результате резкого сокращения поголовья скота наступил голод (на котором автор, впрочем, отдельно не концентрируется). Такой региональный характер ответственности обосновывается и тем, что людские и ресурсные потери в других советских кочевых регионах, например Кыргызстане и Калмыкии, хотя и происходили, но оказались намного меньше, чем в Казахстане. Сравнивая эти потери в разных регионах страны, Сеницын добавляет, что это нельзя называть геноцидом, «этнической подоплеки в этих действиях не было» (С. 149). Он также пишет о восстаниях и откочевках, называя все это продолжением «гражданской войны», и отмечает, что только вмешательство центра нормализовало ситуацию и позволило перейти «в умеренный режим модернизации», в результате которой «кочевая цивилизация сохранилась в “урезанном” виде» (С. 171).

Третья и четвертая главы монографии Сеницына — «Кочевые» регионы с 1940-х гг. до наших дней» и «“Оседлое” государство и кочевники: зарубежный опыт» — посвящены народам Севера и Сибири, а также политике в отношении кочевников в зарубежных странах Азии, Африки и в Австралии. Отдельно Сеницын пишет о цыганах и даже «новых кочевниках» — хиппи и участниках движения нью-эйдж. Хотя Сеницын специально не изучает возможные взаимосвязи этих разных политик между собой, сама задача выйти за пределы Казахстана и даже за пределы СССР и показать более широкий контекст попыток реформирования кочевничества позволяет задуматься о месте советского / большевистского опыта в глобальной истории разного рода массовых насильственных практик, имевших место в XX в. Конечно, такое расширение контекста может размыть вину сталинского режима аргументами, которые мы находим в заключении книги: «все так делали», «оседание было неизбежным», в нем были «положительные аспекты», которые несет любая модернизация, трагические же последствия были непреднамеренной виной конкретных людей на местах, а не системы в целом.

Разные акценты в трактовке событий 1920–1930-х гг. в Казахстане, конечно, имеют не только сугубо академическое значение. Все авторы рецензируемых монографий подразумевают и упоминают политический контекст, который определяет общественное значение памяти об Ашаршылық и чувствительность к тому, как формулируется его оценка. На содержание этих памяти и дискуссии влияют внутривнутриполитические процессы в современном Казахстане, характер отношений Казахстана и России, ностальгия по СССР и даже склонность людей вытеснять неприятные факты обезчеловечивания из своих биографий и биографий своих предков. Говоря словами Роберта Киндлера, «утешительной истории об этом не расскажешь» (С. 340). Присутствие или отсутствие в современной памяти тех или иных трагических событий связано, разумеется, с глобальной иерархией ценности жизни, где есть свои «привилегированные» и «маргинальные» жертвы. Наверное, у академической позиции в таких условиях есть особая миссия найти тот язык, который сделает рассказ об истории ответственным, доступным любому читателю и честным.

Библиография

- Аяган Б.Г. (ред.). 1932–1933 жылдардағы ашаршылық ақиқаты / Правда о голоде 1932–1933 годов. Алматы: Литера-М, 2012. 336 с. (На казах. и рус. яз.).
- Козыбаев М., Абылхожин Ж., Алдажуманов К. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата: Би., 1992. 35 с.
- Омарбеков Т. 20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. Алматы: Санат, 1997. 320 б. (На казах. яз.).
- Пьянчоло Н. Казахские пастухи между коллективизацией и голодом, 1928–1934 гг. // Фурман Д.Е. (ред.). Казахстан и Россия: общества и государства. М.: Права человека, 2004. С. 79–113.
- Скотт Дж.С. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.
- Cameron S. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2018. 294 p. doi: 10.7591/9781501730443.
- Kindler R. Stalins Nomaden: Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Hamburg: Hamburger Edition, 2014. 381 SS. (Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts).
- Kindler R. Stalin's Nomads: Power and Famine in Kazakhstan / Transl. by C. Klohr. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2018. 328 p. doi: 10.2307/j.ctv3znxgm.
- Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline: Collectivisation et changement social (1928–1945). P.: Maisonneuve & Larose-Institut Français d'Études sur l'Asie Centrale, 2006. 416 p.

Payne M.J. Seeing Like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928–1934 // Alexopoulos G., Hessler J., Tomoff K. (eds.). Writing the Stalin Era: Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography. L.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 59–86. doi: 10.1057/9780230116429_5.

Pianciola N. Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia Centrale (1905–1936). Roma: Viella, 2009. 552 p.

Сергей Абашин

A Review of Robert Kindler, *Stalinskie kochevniki: vlast i golod v Kazakhstane* [Stalin's Nomads: Power and Famine in Kazakhstan]. Moscow: ROSSPEN, 2017, 382 pp. Transl. from Robert Kindler, *Stalins Nomaden: Herrschaft und Hunger in Kasachstan*. Hamburg: Hamburger Edition, 2014, 381 SS. (Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts);

F. L. Sinitsyn, *Sovetskoe gosudarstvo i kochevniki: istoriya, politika, naselenie, 1917–1991* [Soviet State and Nomads: History, Politics, Population, 1917–1991]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019, 317 pp. (Noveyshie issledovaniya po istorii Rossii [The Latest Research on Russian History], no. 19);

Sarah Cameron, *Golodnaya step: golod, nasilie i sozdanie Sovetskogo Kazakhstana*. Moscow: NLO, 2020, 360 pp. Transl. from Sarah Cameron, *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2018, 294 pp.

Sergey Abashin

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
sabashin@eu.spb.ru

The review examines three new monographs that focus on the sedentarization and collectivization of nomad Kazakhs at the turn of the 1930s. The American historian Sarah Cameron, the German historian Robert Kindler, and the Russian historian Fyodor Sinitsyn describe the main specifics of nomadism in the steppes of Central Asia, study the premises of the Soviet policy aimed at its liquidation, and elaborate on the consequences of that policy, including armed resistance, mass hunger, and mass flight. All three authors conclude that this policy was implemented most radically, involved active

violence, and was attended by huge economic and human losses. However, the scholars refuse to classify those losses as ethnic genocide. The review discusses the structure, key arguments, and conclusions of the monographs. It also provides a comparative analysis of varying descriptions and explanations of the tragedy in Kazakhstan, particularly focusing on who was primarily responsible for the events, the role of the ideology and pragmatic objectives in the policy of sedentarization and collectivization, and the link between that policy and Soviet nation-building.

Keywords: nomadism, Kazakhs, famine, emigration, collectivization, sedentarization, nation-building.

References

- Ayagan B. G. (ed.), *1932–1933 zhyldardagy asharylyk akikaty = Pravda o golode 1932–1933 godov* [The Truth about the Famine of 1932–1933]. Almaty: Litera-M, 2012, 336 pp. (In Kazakh and Russian).
- Cameron S., *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2018, 294 pp. doi: 10.7591/9781501730443.
- Kindler R., *Stalins Nomaden: Herrschaft und Hunger in Kasachstan*. Hamburg: Hamburger Edition, 2014, 381 SS. (Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts).
- Kindler R., *Stalin's Nomads: Power and Famine in Kazakhstan*, transl. by C. Klohr. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2018, 328 pp. doi: 10.2307/j.ctv3znxgm.
- Kozybaev M., Abylkhozhin Zh., Aldazhumanov K., *Kollektivizatsiya v Kazakhstane: tragediya krestyanstva* [Collectivization in Kazakhstan: The Tragedy of the Peasantry]. Alma-Ata: S. n., 1992, 35 pp. (In Russian).
- Ohayon I., *La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline: Collectivisation et changement social (1928–1945)*. Paris: Maisonneuve & Larose-Institut Français d'Études sur l'Asie Centrale, 2006, 416 pp.
- Omarbekov T., *20–30-zhyldardagy Kazakstan kasireti* [Kazakhstan's Tragedy of the 1920s–1930s]. Almaty: Sanat, 1997, 320 pp. (In Kazakh).
- Payne M. J., 'Seeing Like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928–1934', Alexopoulos G., Hessler J., Tomoff K. (eds.), *Writing the Stalin Era: Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography*. London: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 59–86. doi: 10.1057/9780230116429_5.
- Pianciola N., 'Famine in the Steppe: The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen 1928–1934', *Cahiers du monde russe*, 2004, vol. 45, no. 1–2, pp. 124–176. doi: 10.4000/monderusse.8681.
- Pianciola N., *Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia Centrale (1905–1936)*. Roma: Viella, 2009, 552 pp.
- Scott J. C., *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven; London: Yale University Press, 1998, 464 pp. doi: 10.2307/2655340.